

Олег Охапкин

• • •

Дождливый снег. Тоскливая пора.
Греми, ноябрьская слякоть!
Я простою на дне двора.
Дождины в лужи будут звякать.

И пусть за ворот мой ручьем
Простуда грустная прольется!
Мне дом как храм тобой вручен
В бреду дворового колодца.

Сюда, как нищий, прихожу -
На паперти стою и плачу.
Какому крикну этажу
Что участь не переиначу!

1966.

• • •
Есть вечера, когда пробьется луч,
На памяти твоей одно былое.
И небеса сверкают из-за туч,
И воздух заревом расслоен.

Он зыбок, будто океан,
И полыхает розовый и сизый.
Над озером вздымается туман,
И ряска зеленеет ризой.

В глазах пылающий закат
И мол на отмели простора,
Бурьяны пустыря и тусклый сад
В подробностях строительного сора.

И с запада - хоралы облаков
Под сиплые гудки порталовых кранов,
С востока - звездный след подков
И шлемы золотые храмов.

И в сумерках глядишь туда,
Откуда колокол чуть слышен,
И, точно звон, прошедшие года
Опять проносятся над крышой.

И вот ужу совсем темно.
Над городом зажглось электропламя.
И купола давним-давно
Чернеют мутными стогами.

Тогда стенаст неба тишина
Громоздкими аккордами органа.
И жизнь твоя по гроб не решена
И даль глуха, как прежде урагана.

Летучий голландец

Ю.Шигашеву

Давно так не звездило по ночам.
Всю осень, осень, облака да тучи.
Эпохи поворот тем кручे, круче,
Чем чаще люди ходят по врачам.
Увы, меня не тронула простуда.
Хоть весь продрог, я не о том скорблю.
Гляжу в пучину в жуткой жажде чуда,
Но не дано разбиться кораблю.

Давно так не звездило по ночам.
Все ветер, ветер, сумрак и ненастье.
Пусть непогода треплет наши снасти,
Но бури нет и дождь по мелочам.
Так муторно, что хочется к причалу.
Но берег, берег Это позади.
И плаванье не обратить к началу,
Когда еще бессмертье впереди,

Давно так не звездило по ночам.
Все свечи, свечи, тусклая каюта
И паруса в полете без приюта,
Да ржавчина по доблестным мечам.
И ужас наводящая свобода,
Когда покой, как призрак в тишине.
И дух не утоляет непогода.
И вечный парус, парус при луне.

Давно так не звездило по ночам.
Все бегство, бегство, комната и книги,
В пространстве- туч имперские квадриги,
В столетьях- даты- все по палачам.
Лишь палуба Летучего голландца
Вне времени, законов, перемен.
Но и на ней опасно без баланса.
Свободен дух, но и скитанье - плен.

1968 .

Художник

И так, в стихию времени войду,
Едва накат стиха со мною склынет
В часы отлива, в роковом году,
Когда страна сынов своих покинет.

Увы, сметет народная волна
Таких, как я, судьбой не защищенных,
Свидетелей крушения челна,
В смущении едва ли возмущенных,

Но помнящих багровый горизонт
Сползающего гневного светила
И ветра шум, и океана фронт,
И кормца слепого у кормила.

И оттого, что век так умудрил
Художников, мы отблеск маслянистый
На глыбах волн, как в склянке для чернил,
Запомним, в нем закат и вечер мглистый.

У нас в душе вечерний тусклый свет
Преобразован музыкой в молчанье,
Гнетущее и нас под гнетом лет.
Но нам доступно лучших волн качанье.

Пустынных волн печали о былом
Неизгладима далью даль волненья
О будущем. Но влажный волнолом –
Слух мыслящий имеет власть мгновенья.

Он – время, сам из времени и в нем –
Сосуд, среда, стихии содроганье,
Где прошлого с грядущим не сольем,
Но бытия найдем превозмоганье.

1969

Песня рулевого

С.Довлатову

Возвратите мне душу, Летучий голландец!
Сер Ван Страатен, тошно молчать у руля!
Этот чертов норд-ост и морей этих танец
В этой стуже всегда где-то возле нуля...

Как обрыдла мне качка и мчанье по зыби!
Испытать бы на счастье Сторстремен, Мальштром!
На штурвале тринадцатый год, как на дыбе,
Я изверился в штилях, не верю и в шторм.

Но тощнее всего эти гибкие клейма.
Эта слава.....Она тяжелей, чем позор:
Знак легенды- огня- электричество Эльма,
И на реях печальный и призрачный хор.

С каждым годом угрюмей ночная работа,
Безнадежней мечта о Европе родной,
Возвращенье к причалу- постылая рвота.
В кабаке нам не снести и минуты одной.

Мы, команда бессмертных и проклятых духов,-
Привиденья, не люди.Увы, Капитан!
Наша доблесть в быту наваждений и слухов
Магнетизм реквизита: зуйдвестка, секстан ...

Парусами ославлены в век пароходства,
Странной белой вороной на рейдах глядим.
В наше время и снам не прощают несходства
С лжекораном научообразных гардин.

Нас видали в зашторенный иллюминатор
С пассажирского лайнера и с крейсеров.
Нас ловили радары, Но, тщетный оратор,
Призрак в море для них, очевидно, не нов.
Но, когда, дуракам предвещая погибель,
Мы неслись против бури и шли в оверштаг,
Океан побеждал, крейсер остовом дыбил
И тонул, увлекая на дно бедолаг.

Как мне горько стоять у руля Невидимки
И молчать о веденьях быдых катастроф!
Как печально вставать перед явью из дымки
Легендарных, не мною неписанных строф!

Как мне больно безмолвье Истории слышать
И в безвременье время свое коротать,
Чтоб у смерти тоску о бессмертии выжать
И по капле еще не погибшим отдать,

Подвизаться живому среди привидений
Бесноватой ватаге маньяков морей,
Очевидцу пиратских, сектанских радений
Вокруг повешенных прежде на ноках брам-рей!

Мне, как видно, не долго уж оставаться
Сквозь повязку дорогу беды различать,
Но корабль наш и впредь, Капитан мой, споется
С океаном. За это лишь стоит молчать.

1969

• • •

Кому смотреть на звезды приходилось,
Тот знает что такое видеть звезды,
Смотреть на них- не означает знать
Зачем они, но помогает видеть.
И в темноте, что изменяет нас,
Точнее, наше отношенье к небу.
И если звезды что-то освещают
В потемках мира, то, скорей всего,
Не нашу жизнь, но ужас нашей жизни
Перед лицом того, что выше нас,
Перед лицом немеркнущей Венеры.
И в этом свете величавых звезд
Нам предстает, по крайней мере, наше
Недоуменье, если в нас оно
Укоренилось где-то возле сердца.

1972

В лабиринте

И.Бродскому

Отчаянъе не чает, но чадит,
Равно как пламя свечки в лабиринте,
Где звук шагов ни мрака не щадит,
Не освещеной беззащитной нити.

Само ли по себе- ориентир,
Себе ли самому- огонь и светоч,
Но если у зенита есть надир,
То у него не чаянъе, но вечность.

Как трепетен светильник твой, Тезей,
Что разумом его назвать опасно -
Того гляди, погаснет и тесней
Сойдется мрак... Надеяться? - Ужасно.

Да где ты, нить!.. Тянуть - не значит жить,
Скорее помнить злое протяженье
И тяжесть этой памяти, и жуть,
И в ней все той же нити напряженъе...

Отчаянъе... Оно зовется так.
И это-пусть от чаянъя к нему же.
И если жить - надеяться, то как
Зовется жуть, какая ждет снаружи ?

1972

Возрастание слова

Д.Бобышеву

1.

Не знает сердце от чего
Душа ликует и шумящий
Воскрылый рост подъемлет зрящий
Дух над строкой стиха звенящей,
Но бьет, как древле вечевой,
Сзывающий, зовущий, вещий
Зык, чем разычивай, тем резче
Повелевающий душе
Откликнуться на это же -
лающий соборной речи
Мятеж тревоги человечьей.

2.

Еще не ведает душа
Что за сполошная тревога,
И не найдется в ней отвага
Любви откликнуться спеша,
Но и уже до сердца зова
Она дыханием из зева
Готова издохнуть глагол
Ликующий, поющий, зычный,
И тишиною подъязычной
Нисходит на сердечный дол.

3.

Но из глубин, колебля недра,
Гул тишину подъемлет щедро
И, претворяя самый дух
В сияние, объемлет слух
Ужасной вспышкою грозовой,
Любовью яростной и новой,
Глаголом ревностным к душе,
В слезах молящейся уже.

4.

И вот все трое вторят разом
Подвигнувшему их экстазом,
И слово их уже соборне
Растет, расслоенное в корне,
И, в леторосли расцветая
Соцветьями единых сил,
Льет аромат, и запах горний
Свет с тихих шелестом смесил.

1973

В глухозимье

Т.Г.Гнедич

Седая стынь. Дымит ледовый лутень.
Мерцает снеговеющий простор,
И ухо рвет оркестр стозвонных лутен -
Студеный жар, куда не бросишь взор.

Искрят и пышут лютые стожары,
На дерево влезает Орион,
И сивером свистят во все Ижоры
Белть ледяной и норд со всех сторон. ✓

Гремучая свирель зимы-владыки
И выюжный Лель оброшенных лесов
Зовут в Аид на голос Эвридики,
Но лютовей сифонит с полюсов.

И нет надежды русскому Орфею
Расстрогать лед, сивающий в снегах
Но, лиру взяв, и я в душе робею
На опустевших Стикса берегах.

И если бы неверье обороло,
Не тронула б струны живая скорбь,
И на Неве не слышали б Глагола,
Сошедшего звездой в ледовый гроб.

Но дрожью световой пронизан холод,
И лучезарен смерзшийся гранит,
Поскольку светоч веры - звездный Коло
Как диамант Петрополь наш гранит.

1973

Перед зеркалом

Прохладный, ясный сумрак сентября.
Из фортики тянет Балтикой и тленом.
И зеркало в пустотах серебра
Глотает мглу и меркнет постепенно.

В нем времени уход изображен-
Все измененья в сумраке вечернем.
И целый мир здесь в омут погружен
И умирает в ваккуме черном. ✓

И в этой непомерной тишине
Душа моя наедине с Природой.
И зеркало зияет на стене,
И рыбы звездные в нем изогнулись хордой.

И тихо-тихо входит ночь,
И вечер исчезает прочь,
И слышу:
Тишайшая ночная грусть,
Роняя метеоров горсть,
Объемлет душу.

И Рыбы звездные, пластая плавники,
Из зеркала плывут, невольно тычась
Не то что бы в стекло, но́в поплавки
Вещей, и в глубину уходят тотчас. ✓

И круг теней сужается. И мне
Становится светло и одиноко.
И в зеркале я вижу при луне
Отсутствие души - пустое око.

Она ушла куда-то на часок -
Туда, откуда свет исходит летний.
И чудится, хоть двери на засов
Закрыты, позвонит сейчас в передней.

За десять лет

А.Кушнеру

За десять лет, измечтанных, глухих.
Моя судьба не солгала ни разу.
Я помню жестковатый легкий стих,
Прививший боль душечточность глазу.

К поэту, наводившему мосты
Над пропастью Коцита, Мойки, Леты,
Фонтанки, Стикса, Крюковки и Мсты,
Над временем и Мгой, над самой лютой
И тусклой безвременщиной, Невой,
Ижорой, Ахеронтой, Охтой, Лугой,
Над речью похороненной, живой,
Над речкой черной, надо всей округой
Ингерманландской, знать, к мостовщику
Привел меня необратимый случай,
Ито, что привелось мне на веку
Увидеть, стало бездною тягучей.

Зачем я заглянул туда с мостов,
Поставленных рукой неторопливой:
Здесь на быки, там на простой остов,
А кое-где на фермы кропотливо?

Зачем я отразился в серебре
Старинных струй, подщвеченных мазутом,
Среди дубов, построенных в каре
На сквозняке по-летнему разутом?

За десять лет от юности моей
Остались отраженья лишь, да память
О тех мостах при свете фонарей,
К которым я судьбу успел добавить.

1975

Диалог о романтизме

Что делать с прирожденным романтизмом,
Когда тебе уже за тридцать зим,
А твой хрусталик так похож на призму,
Что, глядя внутрь безвременно и присно,
Кристально чист^и тем неотразим ?

Кто говорит- пора остепениться?
Рассудок честный? -Экий молодец!
Ах, если б знал премудрый сей мудрец
Как хочется порою подчиниться
Существенности, прозе, наконец!

Но что же делать с пристальностью зренья,
Когда оно во всем проводит суть
И радуется дару озаренья?
Ох, до чего пресны такие пренъя
С самим собой! Как хочется вздохнуть!

Да в чем и романтизм? - Да хоть бы в этом
Сугубом диалоге. Кто и с кем -
Не разобрать. Так волны на песке
О чем-то меж собой лепечут летом
В неизъяснимой неге и тоске.

Поэзия.... Да в чем она?- А в слове
Чуть зыблемом. Сказал бы- не хочу.
Эх, если б сердцу биться было внове,
Оно бы тут же круг ценою крови
Замкнуло, не доверившись врачу!

1975

Битва за Слово

В.Порешу

Всеседро Духа дохновенъе,
Всеблагодатен огнь Творца
И всепобедна дерзновенъя
Мощь, испытавшая сердца.

Куда бы нас не заносило
В стихийном ропоте ума,
Всеутверждающая сила
Всеутвердит себя сама.

Ей нужды нет себя неволить
И нашу спесь превозмогать.
Но, как не тщимся прекословить,
Пред нею невозможно лгать.

Она в телесном средокрестьи
Душевной мукой сгущена
И самый дух наш болью крестит,
Огнем любви излучена.

И этой силы, этой монси
Нам не удастся превозмочь.
Но подчиниться ей не проще,
Сметающей преграды прочь,

Нужна немалая отвага,
Нужна премногая любовь,
Чтоб утвердить себя во благо
И к правде возродиться вновь.

И если сердце в час молитвы
Бе, огнем не сожжено,
Кто препояшется для битвы,
И победить кому дано?

Мы будем слышать копий хрусты
И грохот сломанных щитов,
И не поможет крик безусый
Тому, кто ~~к Богу~~ не готов.

Но тот, кто пламя дерзновенья
Встреч духа Божьего возжег,
Мечом суровым вдохновенья
Проложит путь всеоткровеню.
К тому навстречу выйдет Бог.

1976

Наш долг

Мы, взявшие весло, гремящий парус
Направившие к чужим берегам,
В чем долг наш? – Выгребать на звездный Фарос
И править ладью в черный ураган.

Туда, туда – в неведомые хляби,
Распластанные в зыбях громовых,
Кромсая высь углами астролябий,
Крепя сердца в потемках гробовых, –

На твердый свет, пылающий над нами,
Покуда плыть еще нам суждено,
Как альбатрос над грозными грядами
Взмывая к небу в пене ледяной,

И жар молитвы видящему Богу
На крыльях парусины вознося,
Смирять тоску, унынье и тревогу,
В руках судьбы над пропастью вися.

Вот в чем наш долг пловцов и мореходов
И как душа надменно не горда,
Кто в море не бывал при непогодах,
Тот Богу не молился никогда.

1977